

Хоррор года
по версии
ESQUIRE

Хоррор года
по версии
**BARNES &
NOBLE**

18+

Рональд Маффи

ВЕДЬМА ИЗ КИНГСПОРТА

Рональд Малфи

Ведьма из Кингспорта

Серия «Короли ночи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74121082

Ведьма из Кингспорта:
ISBN 978-5-222-49053-2

Аннотация

Возможно, это история о привидениях... или о чем-то куда более зловещем...

Эндрю похоронил свое прошлое много лет назад. Теперь у него новая жизнь, мирно и неспешно протекающая вдали от Кингспорта, маленького городка, в котором прошло его детство. Прекрасный дом, успешная карьера юриста, беременная жена... Все это в одночасье разрушит звонок старого друга. Пришло время вернуться домой, в родной город, над которым будто не властно время. Тут его ждут друзья детства: Эрик, ставший заместителем шерифа; Дейл, несостоявшийся магнат недвижимости; Тиг, первая любовь Эндрю, которой так и не удалось сбежать из Кингспорта; и, конечно, Мич, старина Мич, до сих пор несущий какой-то бред о проклятии, лежащем на их компании. Что ж, сначала им всем предстоит столкнуться с воспоминаниями о ночи, что навсегда изменила их жизни много лет назад. О тайне, которую они хранили двадцать лет. А

потом придет ужас. Ведь каждый маленький городок скрывает свои секреты. Одни удастся похоронить навечно, другие же возвращаются годы спустя...

Завораживающий мистический триллер в лучших традициях бестселлеров Стивена Кинга. «Безжалостно жуткий, бесстыдно мрачный и удивительно душевный. Возможно, лучший роман Малфи на сегодняшний день» (Locus Magazine).

Содержание

Пролог	7
Часть первая	9
Один	9
Два	26
Три	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Рональд Малфи

Ведьма из Кингспорта

*С мыслями о Питере Страубе...
...и о Ребекке: гори ярко.*

И тайная его любовь – Знак гибели твоей!
Уильям Блейк

*Прошлое не может умереть. Оно не способно
даже остаться в прошлом.*
Уильям Фолкнер

*Каждая история о любви – это история о
привидениях.*
Дэвид Фостер Уоллес

Small Town Horror

Copyright © 2024 by Ronald Malfi.

All rights reserved.

© Перевод: Мария Кладиева, 2026

© Обложка: Виктория Хрусталёва, 2026

© Иллюстрации и форзацы: Евгения Преображенская,
2026

© Оформление: ООО «Феникс», 2026

© В оформлении книги использованы иллюстрации по
лицензии Shutterstock.com

Пролог

Может быть, это история о привидениях.

Если так, то я являюсь одним из них и одновременно с этим – их главной жертвой. Слышу ли я до сих пор не стихающее ни на секунду эхо той ночи, готовое в любой момент прорвать космический небосвод? Перебираю ли те мрачные события, крепко отпечатавшиеся в самых темных уголках моего подсознания и то и дело напоминающие о себе?

Резкая вспышка, удар по самой структуре Вселенной, внезапное изменение хода повествования. *Несчастный случай*. То роковое происшествие отзывается во мне сполохами взрывающейся звезды. Ритмом военного барабана: *бум... бум... бум...* Оно прижимает меня к земле. Я не могу бежать, как бы ни пытался восстановить баланс между добром и злом, как бы ни пытался исправить свои ошибки.

Послушай. Я никогда не перестану рассматривать свои ладони, никогда не перестану изучать бледность собственной кожи, проходя мимо зеркала. Я все время буду слышать слизкий, влажный хрип в собственных легких и вдыхать воздух, едко воняющий черным порохом, от которого глаза начинают гореть и слезы текут по лицу – и оно становится красным. Красным, как сердце...

Расскажи мне историю из своего детства!

Нет.

Не эту.

Только не эту.

Мы были обречены с самого начала.

Часть первая

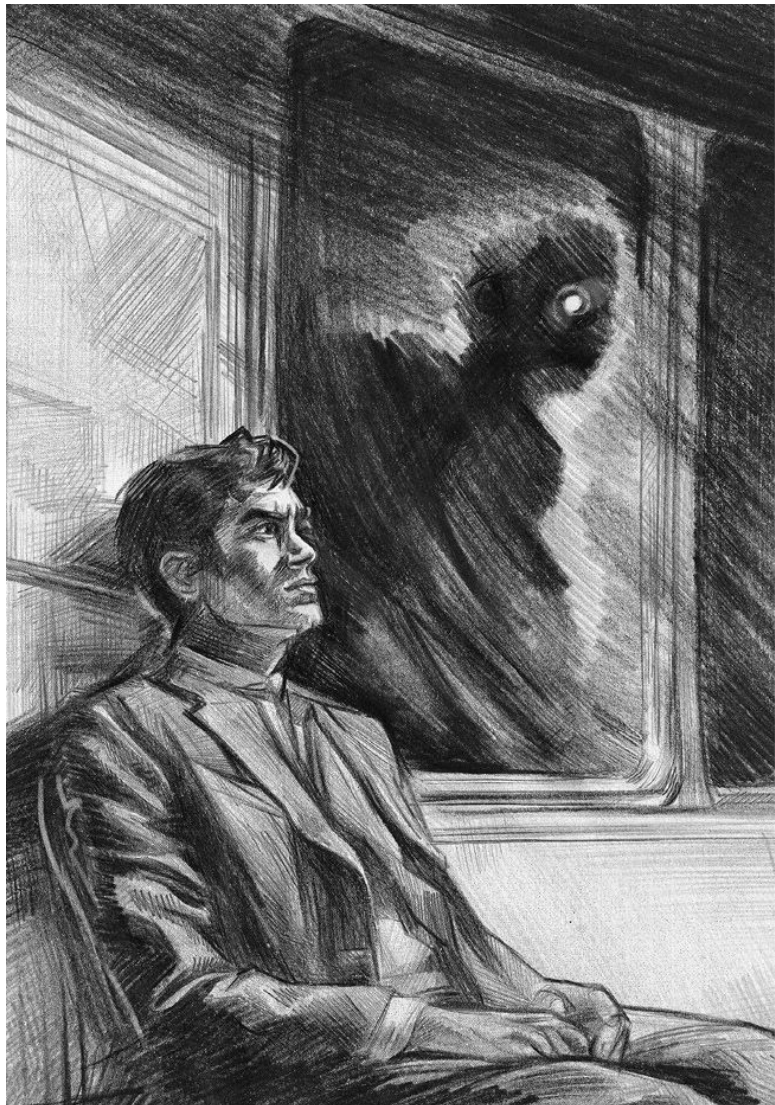
Кингспорт и фантом

Один

Ребекка была уже на третьем месяце беременности, когда я начал волноваться, как бы с ребенком чего-нибудь не случилось. Это беспокойство зарождалось во мне постепенно. Как семя, посаженное в рыхлую почву, оно пускало в меня свои длинные корни. Началось все с промелькнувшей мысли: *вдруг что-то случится?* Тогда я с легкостью забыл про нее, но со временем она переросла в непрерывный беспокойный гул, не оставлявший в покое: *а вдруг с ребенком случится что-то ужасное?* Явление нередкое, не правда ли? Несчастные случаи, выкидыши, сложности при родах – эти возможности сводили меня с ума, как раковая опухоль.

Я все чаще просыпался ночью от какого-то тут же забытого кошмара, твердо уверенный, что никакого ребенка и не было никогда, что беременность Ребекки на самом деле мне приснилась. Я клал руку спящей жене на живот и, ощутив тепло тела через тонкую ткань ее ночной рубашки, убеждал себя, что на самом деле с ребенком все в порядке. На работе мне внезапно приходило в голову, что у Ребекки

только что мог случиться выкидыш, и я тут же трясущимися руками доставал телефон и набирал ее номер, чтобы услышать голос жены. Я убеждал себя, что эти страхи абсолютно нормальны для человека, который готовится стать отцом, но тревогу это не умирало. Меня атаковали ужасные, ничем не обоснованные образы: мертворождение, обвитие пуповиной и десятки, если не сотни различных физиологических дефектов. Бесформенное *существо*, уставившееся в пустоту своими огромными молочно-белыми глазами, обреченно плавало внутри моей жены...

Этот страх был беспочвенным: ни у меня, ни у Ребекки в семьях никогда не наблюдалось никаких генетических отклонений, да и все анализы показывали, что ребенок совершенно здоров и полон сил. И все же к концу первого триместра я так и не избавился от непоколебимой уверенности, что злой призрак без приглашения ворвался в нашу жизнь и поселился в нашем доме, чтобы напасть на нас – или, точнее, на ребенка, – и не собирается уходить.

Я справлялся с этим чувством точно так же, как с любыми другими неприятными ситуациями в моей жизни: натягивал фальшивую улыбку и старательно скрывал собственные эмоции.

Чтобы отвлечься от этих мыслей, я с головой погрузился в работу. Для меня это было обычным делом: выучившись на юриста, я уже привык полностью фокусироваться на выполнении задачи. Но теперь я позволил работе поглотить меня целиком, забирая все свободное время. Я радовался каждому поводу остаться в офисе допоздна или взять на дом солидную стопку документов, над которыми можно корпеть до утра. Это усердие сделало меня одним из лучших сотрудников «Моррисон и Хьюз» – юридической фирмы, где я работал уже пять лет.

Отчаянно пытаюсь избавиться от тревоги, я несколько месяцев с невероятным упорством разбираюсь с крайне неприятным и запутанным делом одного из самых богатых клиен-

тов Брюса Моррисона – Рэмми Штейна, человека с довольно сомнительной репутацией. В суде мои старания полностью окупились. Когда тем вечером мы выходили из зала суда, с меня градом тек пот, зато на рубиново-красном лице Штейна сияла широчайшая улыбка.

За свои труды я получил хрустальный кубок с гравировкой – увесистый, как телефонный справочник, – и новый удобный кабинет на пятом этаже. Теперь за окном я видел головокружительный лабиринт из небоскребов и небольших офисов в центре города. Перенося вещи в новый кабинет, я сделал передышку и прислонил запотевший лоб к холодному стеклу окна, изучая открывшийся вид. Внизу виднелась грязная улочка с кучей переполненных мусорных контейнеров. На стене я заметил граффити – яркую, привлекающую внимание и довольно пугающую надпись:

ПРОШЛОЕ НЕ МОЖЕТ УМЕРЕТЬ

Как можно догадаться, эти слова не подняли мне настроение.

* * *

Ребекка не сразу заметила, что я изменился. Даже беременная, она все равно работала, редактируя тексты многочисленных заказчиков, которых нашла сама после ухода из издательства. В целом настроение у нее было отличное. Моя

жена лучилась энергией и выглядела сияющей: пышные волосы блестели, зеленые глаза светились, веснушки на тонкой переносице стали заметнее и крупнее и поблескивали, как крупинки слюды. Казалось, ребенок изнутри освещал ее каким-то особым мягким светом.

Однажды утром, выйдя из спальни, я застал Ребекку на кухне – она ела клубнику из маленькой миски. На столе лежала рукопись, которую она редактировала. Жена сидела в длинном домашнем халате, вытянув вперед ногу; ее волосы блестели в лучах полуденного солнца. Я накануне вернулся домой очень поздно, так что смог поспать всего несколько часов. Поэтому первым делом побрел к кофейнику, достал из шкафа кружку и наполнил ее почти до краев.

И тут я почти физически ощутил напряжение жены. Обернувшись, я взглянул – практически уставился – на нее и тихо стоял так некоторое время, рассматривая пробор медных волос на бледной коже головы. Ее крупная сережка поймала солнечный свет, на пару секунд ослепив меня.

– Как роман?

– Ну... – Она согнула уголок страницы. – Автор просто помешан на смене рассказчика.

– Это как?

– Ну, сначала идет повествование от первого лица, а потом внезапно – бум! – история ведется уже от лица совсем другого персонажа. Раздражает.

– Может, в конце станет понятно, зачем он так сделал. – Я

продолжал смотреть на жену, чувствуя, что ее беспокойство растет и грозит выплеснуться наружу.

– Слушай... – Она взглянула на меня. – Мы можем поговорить?

– Конечно.

Я сел за стол. Перед женой лежала стопка бумаг – высокая, как коробка от торта. На самой верхней странице виднелись красные пометки Ребекки.

– Может, расскажешь наконец?

– О чем?

– О том, что тебя так тревожит последние несколько месяцев.

Я поставил чашку на стол. Мое обручальное кольцо случайно задело ручку чашки, и жуткий диссонирующий звук висел в воздухе чуть дольше, чем следовало.

– Все хорошо, Бек. Я просто нервничаю. Мне же скоро предстоит стать отцом, вот и...

Она медленно покачала головой. Ее глаза блестели.

– Нет, – произнесла Ребекка тихо, но уверенно. – Дело совсем не в этом. Ты что-то скрываешь, я знаю! Ты не спишь. Ведешь себя беспокойнее, чем наш малыш. А еще ты постоянно о чем-то... думаешь.

– Милая... – Я потянулся к ней.

Она отклонилась – не резко, но все же избежав моей руки.

– Ты не просто нервничаешь, Эндрю. – Ребекка тяжело вздохнула, и я понял, что она переживает об этом куда боль-

ше, чем мне показалось вначале. – Тебе не нужен наш ребенок?

– Не говори такие вещи! Я ничего так не жду, как рождения нашего малыша. Мечтаю подержать его на руках. Да, признаюсь: мне очень страшно. Но я справлюсь.

– Мы, – поправила она. – *Мы* справимся.

– Да. Мы.

– И это все? Ты ничего от меня не скрываешь? – Она недоверчиво смотрела на меня, прищутив лучистые зеленые глаза.

– Ничего. Клянусь!

Мы стояли так несколько мгновений, слушая стук наших сердец. Я ясно ощущал на себе ее взгляд – свет зеленых проекторов.

– Ну ладно... – Ребекка вернулась к своему тексту и, судя по всему, успокоилась.

* * *

Когда Ребекка была на пятом месяце беременности, я ехал с работы на метро и взглянул вверх – на рекламный постер с изображением фейерверков над Нью-Йоркской бухтой. Пока я замороженно изучал его, свет в вагоне начал мигать. Мне стало не по себе. Воротник рубашки, казалось, сдавил шею; я почувствовал, как по груди струится пот. Из грязного оконного стекла, прямо под рекламой, на меня смотре-

ло мое отражение. Я взгляделся в него, изучая затравленное, изможденное выражение своего лица – из-за этой измученности я в свои тридцать пять выглядел лет на двадцать старше.

Свет опять погас, и вместо моего лица в окне появилась бесформенная черная масса. Поезд шипел и грохотал, будто кто-то запускал бесчисленные фейерверки. Я заерзал на сиденье, и черная масса в окне тоже зашевелилась, однако я мог поклясться, что ее движения совершенно не соответствовали моим. Как будто кто-то наблюдал за мной из темной воды... не отражение, нет, – совершенно самостоятельное, отдельное существо. Внезапно там, где у этой черной кляксы могла бы располагаться правая глазница, замерцал свет. Наверное, это воображение сыграло со мной дурную шутку, восприняв так свет, который на самом деле был за окном, где-то в глубине туннеля... У меня пересохло во рту, ладони покрылись липким потом.

Я очень обрадовался, когда свет снова загорелся, двери с треском распахнулись – и я наконец-то смог сойти на следующей остановке.

* * *

На седьмом месяце беременности Ребекка, лежа рядом со мной в кровати, уточнила:

– Тебе точно не хочется узнать?

– Узнать что?

– Мальчик у нас будет или девочка.

Внутри меня что-то сжалось. Весь сон как рукой сняло, и я, резко открыв глаза, повернулся к окну и стал смотреть на огни города, мерцавшие через жалюзи.

– Не особо. Я не против подождать еще пару месяцев... – Обернувшись, я взглянул на жену. Та смотрела на меня, и ее глаза сияли в темноте. – Конечно, если тебе интересно...

– Мне не нужно ходить к врачам, – прошептала Ребекка, и я почувствовал на лице ее теплое мягкое дыхание. – Я и так знаю.

– Что, материнская интуиция? Ты чувствуешь пол ребенка?

– Это знание бьется во мне – в унисон с ударами сердца. Как будто малыш посылает сигналы азбукой Морзе: *бин-бин-бин* – прямо мне в голову. Он общается со мной через эти точки и тире.

– Так кто же он?

– Ты же сказал, что тебе не интересно.

– Ну, раз уж ты знаешь, я тоже хочу.

– Уверен?

– Да.

– У нас будет *мальчик*, Эндрю.

Не находя слов, я просто придвинулся к ней и поцеловал. Ребекка тоже меня поцеловала. Спустя секунду мы уже занимались медленной, спокойной любовью под аккомпанемент

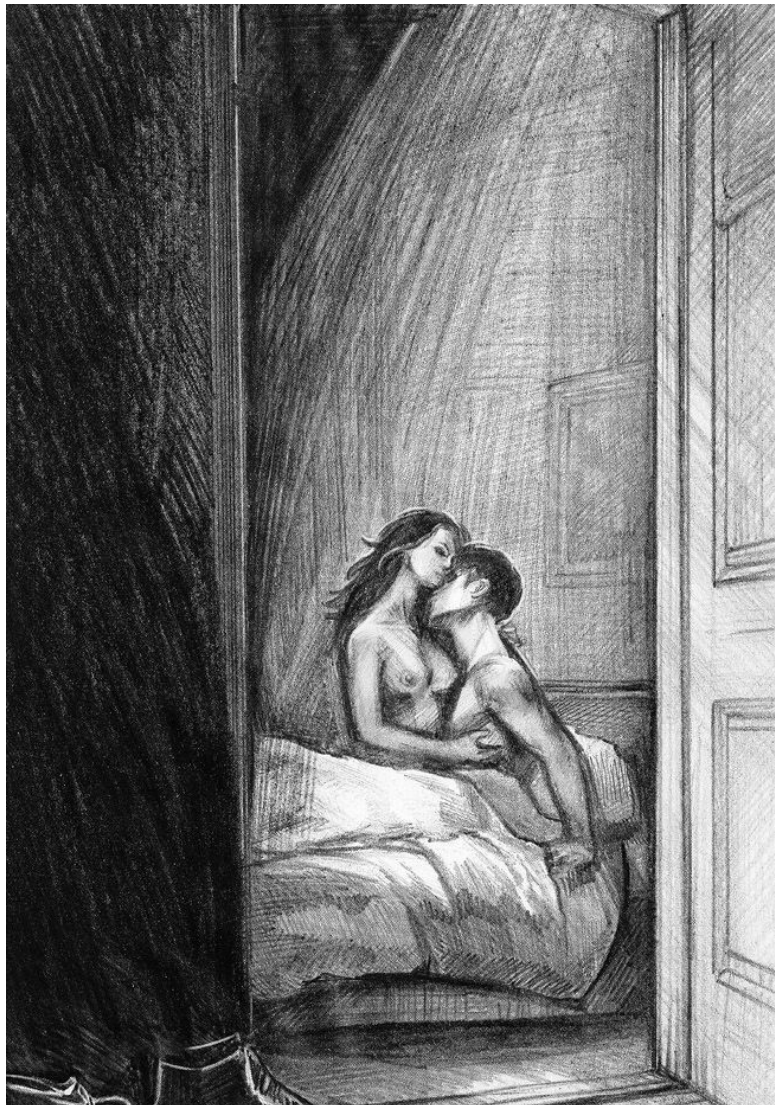
чьей-то автомобильной сигнализации, надрывавшейся за окном. Когда мы закончили, жена пошла в ванную. Я услышал, как она включает душ, как дрожат старые трубы. Серебряная полоска света, пробившаяся из-под двери ванной комнаты, что-то изменила в спальне: казалось, что тени сменили положение, что все предметы тайно поменяли форму.

Прямо напротив меня, за открытой дверцей шкафа, кто-то стоял.

Я сел, чувствуя, как внутренности выворачивает наизнанку. Темный силуэт незнакомца четко вырисовывался на фоне черного шкафа. Отчетливее всего были видны его ботинки: на них падал свет из ванной.

Я глядел на незнакомца, чувствуя, как он медленно, шаг за шагом, отдаляется. Его черная фигура все больше расплывалась – как будто он понял, что его заметили, и решил тихонько ретироваться.

Я вскочил с постели, подошел к шкафу и включил свет.

Конечно, там никого не было. Только несколько черных костюмов и пара галстуков на вешалке. Я взглянул вниз и увидел свои собственные блестящие ботинки.

– Что там? – Ребекка вышла из ванной. Одним полотенцем она обмотала голову, другим – тело.

– Мне показалось, что я услышал какой-то звук.

– Это Констанисы из квартиры над нами. Вечно что-то ремонтируют.

– Даже в полночь?

– Слушай, я просто хочу надеяться, что это не крысы! – Она повесила оба полотенца на стул и легла в кровать. – Иди сюда.

Я залез под одеяло и лег рядом с ней. Чистый запах ее теплого тела и мокрые волосы жены, попавшие на мою подушку, казались мне в тот момент идеалом домашнего уюта. Я уткнулся лицом в ее шею, чувствуя, как влажные волосы Ребекки охлаждают мои пылающие щеки.

Спустя пару минут она уже тихонько храпела, прижавшись ко мне.

* * *

На восьмом месяце беременности жены моя упорная работа без сна и отдыха обернулась очередной победой для нашей фирмы. В честь этого Моррисон устроил небольшую ве-

черинку в Уинчестере, в деревенском пабе с удобными креслами и живой музыкой. Я как мог старался избегать разговоров, курсируя между баром, где то и дело брал бутылочку пива, и улочкой перед входом в паб, где коллеги устроили курилку. Но мой план дал трещину: в очередной раз заказывая «Хейнекен», я почувствовал, что за спиной кто-то стоит. Я уже испугался, что это сам Моррисон; к счастью, это была Лори О’Делл.

– Ну что, каково быть в центре всеобщего внимания?

– Понятия не имею, – честно ответил я.

– Да не скромничай... – Она усмехнулась. Лори (симпатичная женщина, чуть старше меня) всегда отличалась прямолинейностью. – Моррисон только о тебе и говорит. Как будто ты его любимый сын, когда-то пропавший без вести и теперь вернувшийся домой. Не знаю, что с тобой такое произошло, но за последние несколько месяцев ты добился большего, чем кое-кто из наших коллег за все время работы.

Я обернулся и взглянул на Брюса Моррисона, стоявшего в другом конце паба в окружении незнакомых мне сотрудников в идеально отглаженных костюмах. Они смотрели на него с таким раболепием, с каким низшие вампиры могли бы смотреть на своего прародителя.

Словно почувствовав на себе мой взгляд, Моррисон взглянул в мою сторону и с улыбкой поднял бокал мартини в мою честь.

– Согласись, это безумие какое-то, – сказала Лори, держа

обеими руками маленький бокал с янтарной жидкостью. Она прислонилась к барной стойке. – Он же вроде как знает, что ты толком нигде не учился.

– Если у меня нет диплома Гарварда, это еще не значит, что у меня нет юридического образования, Лор.

– По слухам, Штейн отправил тебе часы Ролекс с выгравированной надписью «Пронесло!».

Отчасти это было правдой: часы от Рэмми Штейна действительно имели гравировку на задней крышке, вот только там было выведено мое имя. Они так и валялись в ящике моего стола в своей уютной вельветовой коробочке.

– А ты больше слухам верь, Лори. Рано или поздно каждому воздастся по делам его. Ты и сама это знаешь.

– Ты сейчас говоришь как мальчик из церковного хора.

Я засмеялся.

– Уж поверь, в церковный хор меня не примут.

Она допила свой виски и поставила на стойку бокал с оставшимся льдом.

– А где твоя женушка? Почему не пришла поддержать мужа?

– Она очень устала. Ребенок в последнее время стал беспокойным.

– А когда у нее роды?

– Примерно через месяц. – Я кивнул в сторону пустого бокала Лори и спросил: – Будешь еще?

– Ну, только если ты меня угостишь.

Я заказал себе еще один «Хейнекен» и «Макаллан» для Лори, и она почему-то рассмеялась.

– Что такое? – удивленно спросил я.

– Осторожнее, друг мой. – Она поправила мне галстук. – Ты всем демонстрируешь свой синий воротничок².

Я почувствовал вибрацию во внутреннем кармане пиджака. Потянулся к телефону, взглянул на незнакомый номер на экране и уже хотел было сбросить звонок, но остановился. Может, из-за кода региона – 410. А может, из-за Моррисона: тот шел к нам с такой широкой улыбкой, что она чуть ли не выходила за границы его лица. Сославшись на важный звонок, я побежал к курилке.

– Алло?

– Эндрю? Это Эндрю Лаример?

Голос звучал так, словно позвонивший мне мужчина только-только пробудился после долгого сна.

– Кто это?

– Эндрю, это Дейл. Дейл Уоллс. Ну... – Он прочистил горло и добавил: – Надеюсь, ты меня помнишь.

Я вновь взглянул на экран телефона – код штата Мэриленд... По спине заструился липкий холодный пот.

– Дейл, – еле слышно прошептал я, – мы столько лет не разговаривали...

– Ага, будто целая жизнь прошла. Слушай, мужик, про-

² Синие воротнички – условное обозначение работников, занимающихся физическим трудом.

сти, что звоню так поздно. Я тут сидел пил – и вдруг... увидел что-то... вроде как... – Он сбился с мысли, и несколько секунд я просто слушал его дыхание. – Не стоило, наверное, тебе звонить. Но послушай, Эндрю, мне нужна помощь.

– Что случилось, Дейл? – Я прикрыл глаза.

– Нет. Это нельзя обсуждать по телефону. *Приезжай.*

– Куда?

– Домой, – произнес Дейл, и я услышал, как у него звенит посуда: стакан соприкасается с бутылкой. – В Кингспорт.

– У тебя какие-то проблемы, Дейл?

Он опять замолчал. Я открыл глаза и увидел, как огни города позади меня отбрасывают на улочку перед пабом тень, похожую на монстра с длинными конечностями.

– Нас многое связывает, Энди, – сказал он, снова тяжело задышав в трубку. – Приезжай сюда, в Кингспорт. Я все объясню при встрече. Адрес сейчас напишу. Приезжай завтра же, Энди. Чем раньше, тем лучше.

– Дейл...

– У тебя нет выбора, – сказал он и бросил трубку.

Два

Примерно в то же время, когда я разговаривал с Дейлом Уоллсом, мужчина по имени Мэттью Мичем очнулся в полной, как в гробу, темноте. Его тело потряхивало, мозг работал с невероятной скоростью, а кожа горела. Он провел по руке длинными ногтями, молясь, чтобы глаза смогли хоть что-то разглядеть. Но его молитвы услышаны не были. Он пролежал так несколько минут, а потом все же сел в этой темноте, чувствуя, как само пространство давит на каждый сантиметр кожи, сообщая, где он находится и что сейчас случится.

А что сейчас случится?

– Нет. – Его губы разомкнулись с еле слышным чмоканьем, язык ворочался во рту, будто шерстяной носок. – Пожалуйста, только не это.

Тишина. Лишь вдалеке капала вода: *кап-кап*. Мэттью поднялся с деревянного пола и встал, ощущая, как скрипят суставы ног. Казалось, что в этом спокойном и влажном воздухе в лицо ему летят огромные мухи. Мэттью было всего тридцать пять, но те испытания, которым он подвергал свое тело с подростковых лет, уже сказались на его здоровье. Сердце стучало как сумасшедшее, а он всматривался в темноту в поисках...

В поисках чего?

– Роберт? – Его голос слабым эхом отражался от стен этого саркофага. – Это ты? Покажись. Покажись. Покажись...

В нос ударил запах серы – такой резкий, что он даже отшатнулся.

Мич собрал в кулак угасающее мужество и двинулся вперед по галерее из залов и коридоров, теряясь, как Тесей без своей нити, слепо идя на звук какой-то манящей внутренней мелодии, зова из другого мира... направляясь к миражу, в существование которого верил всей душой. На секунду он даже пришел в себя – достаточно для того, чтобы вспомнить: он находится в доме своего давнего друга Эндрю Ларимера, в *моем* доме, – но этой информации не хватило, чтобы полностью вернуть его к реальности.

Он мог думать лишь об одном: «*Роберт? Роберт?*»

Запах серы усилился. Но теперь ощущался еще один – более земляной, солоноватый. Запах места, где вода сходится с землей.

А потом он услышал голос, тихонько напевающий: «*Один... Два... Три... Четыре... Пять...*»

– Да, – выдохнул он и пошел навстречу теплой летней ночи, преследуя этот голос. По лицу стекали крупные и вязкие капли пота. Он вновь провел ногтями по коже рук: *вишк-вишк-вишк!* – и перевел взгляд на деревья, хорошо различимые на фоне лунной ночи. Что-то мерцало в темноте позади них. Их ветви были мокрые и поникшие, капли дождя тихо перетекали с одного листочка на другой, а потом падали в

грязные лужицы на черной земле. Неужели именно этот звук он и услышал, когда проснулся? *Кап-кап, кап-кап.*

За деревьями что-то пошевелилось. Или кто-то? Мэттью замер. Сердце бешено забилося. Раздался треск, похожий на звук статического электричества. Где-то в глубине сознания Мэттью понял: что-то потустороннее перемещается в этот мир. А может быть, целенаправленно *в кого-то.*

(нет, пожалуйста, не надо)

Вновь зазвучал тот голос – может быть, в его голове, а может, из-за деревьев: *«Один... Два... Три... Четыре... Пять...»*

– Что тебе нужно? – прохрипел он в сторону леса. – Почему ты не можешь просто оставить меня в покое?

И вновь: *«Один... Два... Три... Четыре... Пять...»*

– Да что...

– *Копай,* – раздался приказ. Мич несколько секунд стоял в ступоре, и тогда голос повторил, на этот раз более жестко: – *Копай, Мэттью.*

Тот почувствовал, что его трясет, и снова услышал это проклятое *кап-кап*, теперь четко осознавая, что это звук воды, стекающей с ожившего мертвеца.

У него под ногами было что-то спрятано. Мэттью инстинктивно наклонился, проводя пальцами по мокрой почве, вонзая их в землю. Он искал, искал... Ничего. Ни-че-го. Мич продолжал попытки, напряженно думая: *«Все. Это конец. Я стою на краю пропасти. А ведь я знал, что так слу-*

чится». Вспоминал мальчика, который тоже стоял...

(на краю)

Но нет, Мич на краю не стоял. Это был вовсе не конец. Многие даже, наоборот, назвали бы это *началом* чего-то нового – хоть начало это стало возможным благодаря совсем *другим событиям, случившимся в другое время и в другом месте.* Слезы текли по бледному, покрытому пятнами лицу Мэттью Мичема, пока он рыл мокрую почву, стоя на коленях.

«Один... Два... Три... Четыре... Пять...»

Вздых. Хрупкий, похожий на далекое трепетание птичьих крыльев. Покрытые грязью пальцы погрузились в землю еще глубже.

«Один... Два... Три... Четыре... Пять...»

Наконец Мэттью коснулся теплого, влажного провода, закрытого под землей. Ему так хотелось отойти, отбежать как можно дальше от этого проклятого места! Но что-то не отпускало, тянуло его назад. Он схватился за провод обеими руками; тот пульсировал в такт ударам его сердца. Мич потащил его из земли: *шик-шик-шик!* – и увидел, что это веревка: мокрая, толстая, как силовой кабель. *Пуповина,* – подсказал разум.

Мэттью продолжил тянуть, уже с большей уверенностью, сжав зубы. И все равно дальше провод не поддавался. Мич сделал несколько шагов назад и снова схватился за склизкую веревку, выдергивая ее из земли: *шик-шик-шик.* Ма-

ленькие, но очень острые волокна кабеля пронзили ладони. Но Мэттью Мичем, тридцати пяти лет, половину из которых он провел в рехабе³ или же ближайших барах, с гепатитом, медленно разрушающим его тело, продолжал тянуть этот несчастный провод, продолжал следовать за своей судьбой.

³ Лечебный центр для людей с зависимостями.

Именно судьба повела его через густой лес, где летние деревья склонялись, будто грешники, молившие о прощении. Благословенный миром вокруг него, он ступал под их кронами, и мокрые ветки то и дело хлестали по лицу. И вот он вышел на темную, грязную дорогу, с которой открывался вид на ночной Чесапикский залив. Внезапно Мэттью очутился на конце света.

На секунду он замер, крепко сжимая веревку в кровотокающих руках. По запястьям стекала черная кровь. Легкие горели, кожа зудела. Правый глаз пульсировал – точно так же, как, по его словам, на протяжении нескольких недель после того инцидента, когда мы пятеро были еще детьми.

За дорогой возвышался утес, с которого открывался вид на огромные просторы залива – мрачные-мрачные, блестящие в лунном свете. Ночь была такой ясной, что даже одним глазом Мич мог легко различить пульсирующий свет маяка посреди тьмы. Веревка вела прямо к краю скалы – неотвратимо, будто мина замедленного действия. Мич вновь ее потянул. Та постепенно вылезала из земли, и высвобождение каждого нового фрагмента сопровождалось звуком: *хлюп-хлюп-хлюп*. Веревка привела Мэттью на другую сторону дороги, к краю утеса с видом на черные воды залива. И упрямо замерла.

Мэттью, пошатываясь, поднялся на обрыв. От приступа внезапной эйфории кружилась голова, а легкие, еще пару

минут назад горевшие пронзительной болью, теперь казались наполненными какой-то густой вязкой жидкостью.

Роберт, это ты?

Что тебе нужно?

Где мне искать?

А в ответ только: «*Один... Два... Три... Четыре... Пять...*»

Веревка вновь натянулась, и он взглянул вниз. Оказалось, что она зацепилась за два больших камня. Он дернул еще раз, но тщетно. Руки скользили – не только от крови, но и от ядовитой жидкости, вытекавшей из самой пуповины.

Нет. Не веревки.

«*Это спасательный трос, – подумал он безо всякой причины. – Спасательный...*»

Шнур дернулся назад, и Мэттью Мичем, даже не успев понять, что произошло, уже едва держался на краю обрыва, отчаянно пытаясь затормозить ногами, – а затем, против своей воли, кувыркнулся со скалы. Он падал вниз головой и летел все ниже, ниже, ниже...

За секунду до сокрушительного удара ему померещился подросток, стоящий по колена в воде и наблюдающий за его падением.

Три

Когда я поступил на юридический, отец, обрадованный моим успехом, подарил мне книгу «365 фраз, перевернувших мир» – это как календарики со «словом дня», только тут книга, а вместо отдельных слов – цитаты. Там была фраза из романа Уильяма Фолкнера «Реквием по монахине». Вы наверняка ее слышали: *«Прошлое не может умереть. Оно не способно даже остаться в прошлом»*.

Именно она мне и вспомнилась, когда я вернулся домой.

* * *

Как животное собирает на шкуре блох, так Кингспорт собрал множество блох человечества – людей с загорелыми лицами и больными глазами, у которых в жизни нет ничего, кроме работы и выпивки.

Проживешь тут до семидесяти – ослепнешь от солнечных лучей, бьющих тебе в глаза с поверхности воды. Из баров даже днем доносится женский смех. Птичьи экскременты покрывают и горячие асфальтовые дороги, проходящие через кукурузные поля и песчаные дюны, и автозаправки, и автомобили, и разрисованные вручную деревянные вывески, и неоновые знаки «Проезжайте» и «Стоп» над пятидесятой трассой. Мимо обязательно проедет парень с накачанными

икрами, крутящий педали велосипеда, – без рубашки, зато в бейсболке, надвинутой на глаза, и солнцезащитных очках. В велосипедной корзине он всегда что-то перевозит: то радио, то толстого кота, скучающе оглядывающего окрестности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.